

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ПРАВА

THEORETICAL PROBLEMS OF THE STUDY OF THE STRUCTURE OF LAW

D. Petrov

Annotation

The article discusses the question of the relation between the system of law and the structure of law. Author assumes that the system and structure is not comparable concepts, structure in relation to the system has an auxiliary character, contributes to the notion of the system. The branch structure of the law is seen as part of a structure on the same parameters. Substantiates the existence of different levels structure of law are inconsistent with the branch structure of law.

Keywords: system of law, structure of law, the branch structure of law, level structure of law.

Петров Дмитрий Евгеньевич

К.юр.н., доцент каф. теории государства и права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования, "Саратовская государственная юридическая академия"

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о соотношении системы права и структуры права. Автор исходит из того, что система и структура не однопорядковые понятия, структура по отношению к системе имеет вспомогательный характер, способствует раскрытию понятия системы. Отраслевое строение права рассматривается в рамках одной структуры по одним и тем же параметрам. Обосновывается существование различных уровней структуры права, которые не соотносятся с отраслевым делением права.

Ключевые слова:

Система права, структура права, отраслевое строение права, уровень структуры права.

В современной юридической литературе зачастую встречается неопределенность в вопросе соотношения системы и структуры права, что дает основания некоторым авторам утверждать, что следовало бы отказаться от понятия "система права", заменив его на логически более верное понятие "структура права" [1, с. 17].

Исследование системы права необходимым образом предполагает исследование его структуры, а системный подход поглощает структурный, в связи с чем, нередко для специального акцентирования называется системно-структурным. "Неравнозначность" понятий системы и структуры права должна, по нашему мнению, рассматриваться в том смысле, что категория системы права включает в себя понятие его структуры, а не наоборот.

Рассмотрение системного объекта со сложным внутренним строением проводится посредством рассмотрения, прежде всего, его структуры. Структура – внутренняя форма, "способ организации, определенная упорядоченность частей данного целого" [2, с. 199].

Один и тот же объект может рассматриваться с разных сторон и в зависимости от углов зрения в нем может рассматриваться соответственно несколько структур или уровней, структурных рядов общей структуры. Главное, чтобы структура адекватно отражалась под соответствую-

ющим углом зрения, с применением соответствующих углу зрения критериев и кратности увеличения.

На полиструктурность права обращал внимание С.С. Алексеев [3, с. 23]. Так он выделял главную структуру, отражающую дифференциацию права на отрасли, институты и нормы. "Наслаивающуюся", вторичную структуру, по его мнению, образовывали комплексные отрасли права. Наряду с указанными структурами автор выделяет "идеальную" структуру, которую составляют логические нормы, правовые конструкции и главные подсистемы права (регулятивное и охранительное).

Однако выделение главной и вторичной структуры у С.С. Алексеева проводится, по сути, по одному и тому же основанию. То есть, проводится определенная группировка, а далее все, что, по мнению исследователя, не укладывается в эту группировку, перегруппировывается заново. Это все равно, что в компьютере задать параметры поиска, и потом, не удовлетворившись результатом, еще раз нажать кнопку "Найти" по тем же параметрам – результат будет тот же: комплексные отрасли не вписываются в отраслевую структуру права.

Другими словами, отраслевое строение права должно рассматриваться в рамках одной структуры по одним и тем же параметрам. Иные концепции структуры имеют

право на существование вне отраслевого строения права. Любое наложение структур, предпринимавшееся в науке, порождало массу оговорок, условностей и неточностей. А любая иная структура, почему-то всегда накладывается на отраслевую. Хорошо, если автор пытается искать компромисс, но ведь нередко "своя" структура права начинает пропагандироваться как якобы лучшая, "наиболее подходящая" для права взамен его отраслевого строению [4, с. 84, 116; 5, с. 78]. Такая позиция неприемлема.

Другое дело иерархия структур или, точнее, иерархическая структура. Суть ее в том, что элементы системы, образующие ее структуру (структурные элементы), сами имеют определенную структуру, поскольку состоят из других элементов [6]. В теории систем иерархическая система также именуется неэлементарной (сложной). В этом смысле иерархическая структура ничего общего не имеет с "иерархией структур" С.С. Алексеева, где нормативные предписания "одновременно по некоторым другим показателям раскрывают свои особенности в иной, второй правовой общности" [3, с. 29].

Иерархия структур есть то, что С.С. Алексеев называет многоуровневой структурой права, подразделяя ее на четыре основных уровня: структура отдельного нормативного предписания, структура правового института, структура отрасли права и структура права в целом [3, с. 33]. В этом нет никаких сомнений с учетом представленного дополнения об иерархической структуре права. Д.А. Керимов также определяет внутреннюю и внешнюю структуры через иерархию соотношения нормы, института и отрасли права, характеризуя их как целостные многоструктурные правовые образования различных уровней, сложный комплекс структур правового целого [2, с. 199–200].

Структура права в основном рассматривается как единая, соотносимая чаще всего лишь со структурой законодательства [2, с. 200]. Вопрос же о возможном наличии у права в целом нескольких структур связывается с точкой зрения о субъективно-научном, вариативно-классификационном характере построения системы права, противоречащем ее объективным основам. Однако объяснение здесь должно быть несколько иное.

Точка зрения о субъективно-научном характере системы права связана с построением структуры права по одному и тому основанию – отраслевому строению, но в разных вариациях, зависящих от субъективного мнения исследователя. С практической целесообразностью подобных построений действительно трудно согласиться. Ближе к истине мнение о вариативно-классификационном характере системы права. Но нужно учитывать различия в трактовке самой классификации. Формально-логическая классификация здесь не имеется в виду – она имеет целью показать все многообразие разновидностей правовых норм, группируемых по возможно больше-

му числу оснований, в т.ч. внешним, не существенным признакам.

Понимание структуры должно базироваться не на формальной классификации, а на естественной, содержательной, основанной на диалектических принципах, подлинно научной классификации как осмысленном порядке вещей, явлений, разделении их на разновидности согласно каким-либо важным признакам, учитывающей объективные закономерности, охватывающие данный круг явлений. Есть мнение, что периодическая система Д.И. Менделеева и есть пример содержательной классификации. Содержательная классификация является логическим выражением объективных связей и отношений между классифицируемыми явлениями, она обладает максимальной объективной гибкостью и исключает искусственность, произвольность, субъективизм. Подобное понимание классификации имеет все сходства с систематикой.

Следует заметить, что в цикле статей В.И. Червонюка интересные в целом выводы о полиструктурности права и большой значимости отраслевого деления права между собой недостаточно коррелируются. Так следует согласиться, что отраслевое строение права в том виде как оно представлено господствующим мнением, "не может исчерпывать всей структуры права", однако вызывает возражения мысль, что оно "должно действительно отражать многоуровневый характер структурной организации права" [7, с. 37].

При всей важности отраслевого строения права, последовательным приверженцем которого является и автор настоящей статьи, проводить его через все структурные ряды и уровни далеко не всегда целесообразно. В действительности концепция отраслевого строения права вызывает критику как раз в тех местах, где речь идет об обосновании исследователями тех или иных структурных образований, которые не вписываются в отраслевое строение. В целом правильная мысль о том, что "организация права выстраивается, в том числе и через отрасли права, но полностью к ним не сводится" [7, с. 38] требует уточнений.

Отраслевое деление занимает весь структурный ряд или уровень структуры права и в этом смысле не должно смешиваться со структурными рядами или уровнями структуры, где структурные элементы выделяются по иным основаниям. В связи с этим вызывает возражения объединение В.И. Червонюком в один уровень отраслей права и иных правовых общностей. "Применительно к рассматриваемому уровню, пишет автор, в зависимости от степени укрупнения нормативного материала и его юридической однородности в структуре права выделяются несколько уровней правовых общностей – консолидированные, основные и ассоциированные" [8, с. 14]. К консолидированным он относит "парные и разнопорядковые" общности – публичное и частное, регулятивное и

охранительное, материальное и процессуальное право; к основным – семьи отраслей (государствоведческую, цивилистическую, административно-правовую и уголовно-правовую), к ассоциированным – обычное, доктринальное, религиозное и прецедентное право.

Не ставя вопрос о целесообразности выделения тех или иных общностей, следует привлечь внимание, что выделены они в рамках одного уровня по совершенно различным основаниям. Такое механическое объединение вызывает возражение, поскольку не способствует ни четкости отраслевого строения права, ни представленным вариантам его дуалистического деления.

Более целесообразными представляются позиции авторов, при которых наряду с отраслевым строением предлагается дополнительно иной срез структуры права, представляемый по иным основаниям.

Чаще всего в последнее время с отраслевым строением права соотносятся его деление на частное и публичное, материальное и процессуальное, реже на регулятивное и охранительное.

В науке можно считать общепризнанным тот факт, что за редким исключением чисто публичных или чисто частных отраслей в праве нет. Те или иные отрасли считаются по преимуществу частными или по преимуществу публичными [9, с. 100]. Однако вряд ли из этого следует делать вывод, что "не существует ни публичного, ни частного права, а есть лишь публичные и частные начала... в любой отрасли права" [10, с. 24]. Деление права на публичное и частное проводится по иным основаниям, нежели отраслевое. Это иной уровень структуры права. Трудно согласиться, что не только в отрасли или институте, но даже в самой норме права можно увидеть сочетание обоих начал [9, с. 100]. Нормы права как субстанция, составляющая право, группируется по одним основаниям в отрасли, по другим в такие подсистемы как частное и публичное, материальное и процессуальное, регулятивное и охранительное право. Соответственно вызывают возражения первичное деление права на указанные подсистемы с их последующим отраслевым делением. Никакой иерархии структур здесь быть не может. Авторам тех или иных вариантов структуры права еще не удавалось обойти отраслевое строение. В своих рассуждениях они вынуждены прибегать к примерам норм и институтов из соответствующих отраслей права как наиболее понятных и привычных для юридической общественности. И все же для иных уровней структуры права следует абстрагироваться от отраслевого деления.

С учетом этого, интересна предложенная В.П. Реутовым в развитие идей А.А. Ушакова и С.С. Алексеева функциональная структура права, в которой в соответствии с главными функциями права выделяются две подсистемы – регулятивная и охранительная, каждая из которых состоит из двух функциональных подразделений:

регулятивная из предписывающего и разрешительного права, охранительная из карательного и защитительного (восстановительного) права [9, с. 128–137; 11, с. 24–25; 3, с. 32].

Достаточно понятно, на первый взгляд решает проблему деления права на публичное и частное Т.В. Кашанина. Подчеркивая ее относительность, концептуальность и доктринальность, автор предлагает интересную концепцию, в которой все нормы, издаваемые непосредственно государством относятся к праву публичному, а частное право составляют нормы, формулируемые организациями и гражданами для реализации собственных интересов (договорные, корпоративные, индивидуальные), но обязательные для суда и других государственных органов, куда они могут обращаться за их защитой [12, с. 437]. Соответственно систему публичного права составляет система права в ее традиционном понимании как состоящая из отраслей, включая гражданское, предпринимательское, торговое (коммерческое) и другие отрасли [12, с. 405]. На этом можно было бы поставить точку. Однако автор, непонятно зачем, поддерживая мнение о делении права на две отрасли – частного и публичного (В.Ф. Попондопуло), подразделяет частное право по аналогии с публичным на семь отраслей (гражданское, наследственное, семейное, авторское, патентное, трудовое, предпринимательское) [12, с. 316, 449], причем все они без исключения и даже с добавлением торгового (коммерческого) ранее были включены в систему публичного права. Данные рассуждения явно не согласуются с предложенным автором определением частного права и вносят элементы неопределенности и дублирования в представление о структуре права.

Д.М. Азми структуру права представляет "триадой" – основные принципы права (общеправовые принципы), частное право, публичное право. Внутри каждого из элементов, по ее мнению, возможно и целесообразно проводить дальнейшие классификации, в том числе выделять отрасли и институты права [13, с. 194]. Соотношения представленной структуры с отраслевым строением права, которому, по сути, посвящена большая часть книги, автор не проводит, за исключением указания на то, что конституционное право является надчастным и надпубличным. Оно объединяет те основные положения, которые раскрываются в национальных нормах как частного, так и публичного права [13, с. 357]. Значит, в представленной "триаде" конституционному праву находится место только в основных принципах права. Но общеизвестно, что конституционное право состоит не только из норм, закрепляющих правовые принципы. Получается, что большинство норм конституционного права оказываются за бортом представленной структуры права.

Каким образом в представленной структуре права "проводить дальнейшие классификации", выделяя отрасли и институты права, автор рекомендаций не дает. Довольно распространенным у исследователей частного и

публичного права является мнение, что многие отрасли права содержат нормы и одного, и другого. Это поддерживается и в рассматриваемой работе. Качественное функционирование частного и публичного права осуществляется, по мысли автора, "не столько на основе разделения, сколько путем взаимодействия и пересечения" [13, с. 194]. Автор рассматривает публичное и частное право не с позиций условного деления, а в качестве содержательных, действительных, константных направлений правового воздействия [13, с. 218–219].

Что касается отраслей и институтов, то почти каждое из этих образований ("подавляющее большинство") автор считает возможным поделить на две составляющие: частное X право и публичное X право; где X – наименование отрасли или института права [13, с. 235]. Говоря о материальном и процессуальном праве, существование которых предопределяет необходимость практической реализации правовых предписаний, Д.М. Азми высказывает более четкое мнение: материальность и (или) процессуальность норм права не препятствует их одновременной принадлежности к одному из элементов представленной структуры.

На наш взгляд, деление права на материальное и процессуальное, так же как на частное и публичное имеет иное гносеологическое назначение, нежели рассмотрение его отраслевого строения и потому соответствующие структурные ряды если и могут проецироваться на отраслевую структуру в иллюстративном аспекте, то с большой степенью условности и при соответствующих оговорках.

Совсем иначе представлена структура права в работе Т.В. Кашаниной, где она определяет материальное и про-

цессуальное право через "совокупность отраслей, подотраслей и институтов" [12, с. 158 и сл.]. Не рассматривая целесообразность авторской позиции по вопросу выделения наряду с процессуальным процедурного и исполнительного права, заметим, что ее видение структуры права весьма противоречиво. Представляя ее вертикально, от крупных к мелким элементам, автор, поясняя приложенную схему, утверждает, что "пока разрастание процедурных норм идет в рамках правовых институтов в составе материально-правовых отраслей" [12, с. 163], а к процессуальному относятся подотрасли таких "материальных" отраслей как, например, конституционное и административное. То же касается отнесения к исполнительному праву такой, на ее взгляд, подотрасли административного права как административное исполнительное [12, с. 170]. И уж совсем неприемлема характеристика финансового исполнительного права (как части исполнительного), которое "пока не вышло ни на уровень отрасли, ни на уровень подотрасли, ни даже на уровень института права" [12, с. 173]. Возникает вопрос: зачем тогда проводить аналогию между структурным рядом отраслей и структурным рядом материального – процессуального права, если их соотношение в данном случае даже не поддается объяснению? Если же сюда добавить предложенное на этом же уровне структуры деление на публичное и частное право, то ясность теряется безвозвратно.

Таким образом, рассмотренные взгляды на структуру права в очередной раз свидетельствуют не только о важности данного направления исследований, но и о необходимости тщательного, всестороннего подхода к ее рассмотрению, сочетаемому с осторожностью в формулировках и исключением погони за инновациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 34 с.
2. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – М.: Аванта+, 2001. – 413 с.
3. Алексеев С. С. Структура советского права. – М.: Юрид.лит, 1975. – 264 с.
4. Азми Д. М. Правовая структуризация и систематика. – М.: Юстицинформ, 2010. – 320 с.
5. Попондопуло В. Ф. Система общественных отношений и их правовые формы (к вопросу о системе права) // Правоведение. – 2002. – № 4. – С. 78–101.
6. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973. – 344 с.
7. Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках) // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 2. – С. 33–39.
8. Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках) // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 3. – С. 11–16.
9. Реутов В. П. Функциональная природа системы права. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 163 с.
10. Игнатенко Г. В. Публичное и частное в международном праве: факторы интеграции // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической практики: Материалы Всероссийской науч.-практ. конференции (23–24 апреля 1998 г.). – Екатеринбург, 1999. – С. 23–26.
11. Ушаков А. А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1970. – 42 с.
12. Кашанина Т. В. Структура права. – М.: Проспект, 2012. – 580 с.
13. Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. – М.: Юстицинформ, 2014. – 392 с.